

постоянной борьбе идеалов порядка, гармонии и свободы, — в парадигму хаоса. И то, что происходит сегодня в нашей и мировой культуре, видится как попытка заново строить здание гуманизма в пространстве хаоса [3].

Таким образом, русская литература представляет собой явление культуры. В культурологическом осмыслении роли литературы В. В. Позняков [4] предлагает исследовать русскую литературу не как совокупность жанров, направлений и произведений, а как культурно-контекстуальный феномен. Говоря о прогностическом содержании литературы, В. В. Позняков указывает на общие универсальные формы культуры в литературе, на необходимость описания русской литературы на языке понятийно-категориального ряда культурологии. Литература, в его понимании, осуществляет дескриптивную деятельность, связанную с описанием в своих образах наличного — прошлого и настоящего — культурного опыта. Но она не только фиксирует опыт культурно-цивилизационного развития, она также формирует модели и проекты его улучшения. Прогностическая функция культуры отражается в особых формах литературного творчества как культуротворческой деятельности.

Таким образом, русская языковая картина мира наиболее выразительно представлена через русскую литературу, которая является «эталонной словесной репрезентацией культуры» (по И. В. Кондакову). Русская литература по сути своей космологична, так как основана на культурных ценностях и традициях народа. Специфика национального менталитета четко просматривается в основных литературных направлениях, способствующих формированию национально-культурного мировидения и мироосознания человека, и выполняющих также прогностическую функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. С. 175.
2. Кондаков И. В. «Образ мира в слове явленный»: волны литературоцентризма в истории русской культуры / Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве. М.: Наука, 2004. С. 237.
3. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. С. 315-317.
4. Позняков В. В. Русская литература как прогноз культуры // http://www.dostoevsky-fund.ru/sites/krs/doc__text.htm

*Татьяна Геннадьевна ФУРМАН —
соискатель кафедры философии*

УДК 316.7

КУЛЬТУРА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В МАНИФЕСТЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется философско-публицистический манифест Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» как знаковое произведение русского символизма.

The author analyses the philosophical manifesto by D. S. Merezhkovsky, entitled «On the Reasons of Decadence and on New Trends of Contemporary Russian Literature» as a key work of Russian Symbolism.

В конце XIX-начала XX в. литературные процессы выявили необычайно сложные противоречия в культуре Серебряного века. Наиболее ярко это про-

явилось в творчестве писателей символистского круга, перевернувших культурную жизнь России в первые десятилетия XX века. Особую популярность в этот период приобрели литературные манифесты — теоретические обоснования и декларации различных литературных школ.

Первая волна символизма в России ознаменована появлением философско-публицистических манифестов — Н. М. Минского «При свете совести» (1890) и Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). В 1890 г. Мережковский вместе с Минским были включены народническим критиком А. М. Скабичевским в «Историю новейшей русской литературы» как поэты, «тесно связанные с эпохой, в которую мы живем, созданные ею и ее выражающие».

Особый интерес представляет литературный манифест Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», а также структурное построение его разделов. Перечислив некоторые из них — «Русская поэзия и русская культура», «Настроение публики. Порча языка», «Современное литературное поколение» и др. — приходит осознание того, насколько велико влияние Мережковского на эпоху. Изложив крайне субъективную версию развития русской культуры XIX в.а, отрицая литературное творчество, необходимость художественной литературы, он объявляет о неизбежном «конце» русской литературы, выдвигая на первый план религиозное (теургическое) искусство — «божественный идеализм». Его работа имела эпохальное значение, так как обозначила начало нового этапа в критическом осмыслении русской классики. Метод субъективный для Мережковского есть метод творческий. Апология метода — реакция на не приемлемый для критика «художественный материализм», позитивизм и «утилитарный пошлый реализм» современной литературы. На протяжении всего творчества он оставался верен этому методу. Выступая адептом «субъективной критики», Мережковский противопоставлял ее критике объективной, «научной» и видел в ней единственное стремление к «бесстрастной исторической достоверности». Н. Минский определил это критическое направление как миссионерское и проповедническое. «Каждая проповедь, как известно, — писал Минский, — должна быть обмотана вокруг какого-нибудь текста. Мережковский избрал текстом для своей «неохристианской проповеди, всю русскую литературу [1]. Исследователи творчества русского писателя не видят в этом ничего необычного и неожиданного, так как в истории мировой литературы есть немало примеров интерпретации художественного текста, осуществляемых с самых различных идейно-эстетических точек зрения. Примером может служить Г. В. Плеханов, который стремился найти «социологический эквивалент» литературного явления, поэтому, замечает С. Поварцов, «принципы истолкования у Мережковского сводились к тому, чтобы дать литературному, историко-культурному факту религиозное обоснование» [2]. И исторический манифест «О причинах упадка...» явился первой развернутой апробацией субъективно-художественного метода. Основываясь на глубоком мистицизме таких великих художников как Л. Толстой и Ф. Достоевский, Мережковский торжественно заявил: «До сих пор мы только брали у Европы, ничего ей не возвращая. Теперь мы замечаем признаки нашего влияния...». И первую победу русского духа он видит значительном влиянии на всемирную поэзию. «Великий культурный принцип» по Мережковскому, своеобразное соединительное звено между русской и западной цивилизациями проявляется благодаря возвращенным Европе через двух гигантов отечественной мысли — Толстого и Достоевского — идеализм и мистику в их своеобразных национальных одеждах. Для отечественной литературы национальный компонент находит свое выражение в христианстве, «излившемся из самого сердца народа».

Необходимо отметить, что концепция субъективного метода имела свое расширительное значение наряду с религиозно-философскими идеями, в частности, с идеей «нового религиозного сознания» (неохристианства). Не принимая ни «художественный материализм» писателей-реалистов, ни позитивистской идеологии, Мережковский вынужден вступить в полемику и сложный диалог с русской православной церковью, обозначая при этом утопическую идею царства «Третьего завета» и «Третьего человечества».

Некоторые исследователи называют русского писателя *событием* в русской культуре, отмечая не только его завораживающий стиль, но и определенную загадку его личности. «Все у Мережковского на *границе*, где, по Бахтину, рождается истина, — но уж *слишком* на границе, там, где настолько переплетаются система и страсть, политика и религия, личное и общественное, что порой даже трудно определить жанр» [3]. Но в этом переплетении и человеческих судеб, и разнообразных стилей, и интегративных жанров заключена вся «цветущая сложность» символистской эпохи. Мережковский одним из первых заложил основы уникального явления русской культуры, каким является русский символизм.

Мережковский впервые определил декадентство как идейно-художественное направление, обладающее определенными мировоззренческими и эстетическими качествами, заявив, что современная русская литература находится на грани глубочайшего кризиса, к которому завела ее гражданская тенденциозность. Идея общественного служения не способствовала развитию искусства, а наоборот, привела его в тупик. Объясняя упадок литературы, общий «упадок художественного вкуса», отмеченный с 60-гг., под влиянием эстетических идей Чернышевского, Добролюбова, Писарева, начавшегося господства «художественного материализма», основу же истинного искусства Мережковский видит в вечном религиозном мистическом чувстве.

Но развитие позитивизма способствовало искоренению этой традиции искусства, и только в последнее десятилетие XIX в. литература проникается предчувствием «божественного идеализма», неутолимой потребностью «нового религиозного или философского примирения с непознаваемым». В связи с этим, Мережковский выделяет три основных элемента будущей новой русской литературы: первый — мистическое содержание; второй — символизация: новая поэзия должна стать поэзией «символа», т.е. таким образным воплощением мысли художника, когда любые сцены жизни «обнаруживают откровение божественной стороны нашего духа»; третий — «расширение художественной впечатлительности в духе изощренного импрессионизма». Проанализируем более подробно эту триаду в его манифесте.

В своем манифесте Мережковский указывает на эпоху наивной теологии и догматической метафизики, где область непознаваемого постоянно смешивалась с областью непознанного. Из-за незнания и непонимания разграничить их было практически невозможно. Мистическое чувство, вторгаясь в пределы точных опытных исследований, разрушало их. С другой стороны, грубый материализм догматических форм порабощал религиозное чувство.

XIX век русский писатель оценивает не только как эпоху крайнего отрицания и материализма. Именно в это время происходит небывалое развитие опытных знаний, что, безусловно, наложило своеобразную печать на умственный строй современного человека, породило непреодолимое, инстинктивное недоверие к творческой способности духа, к внутреннему, идеальному миру человека. «В поэзию, в религию, в любовь, в отношение к смерти и жизни проникает особенное трезвое настроение лабораторий, научных кабинетов и медицинских клиник. Это, если можно так выразиться, запах и колорит XIX века» [4].

Для Мережковского было очевидно, что новейшая теория познания воздвигла несокрушимую плотину, которая навеки отделила твердую землю, доступную людям, от безграничного и темного океана, лежащего за пределами нашего познания. Символами для него являются «волны этого океана», которые уже более не могут вторгаться в обитаемую землю, в область точной науки. С тех пор как основу великой теории познания XIX в. заложил Кант, работа над ней продолжается непрерывно, «плотина воздвигается все выше и выше». Признавая теорию Канта (и в то же время не скрывая своего желания уйти от нее), Мережковский тем самым подчеркивает, что циклопическая постройка немецкого философа — не что иное как «плотина» между жизнью и *смыслом* жизни. И молодому писателю приходится констатировать, что никогда еще пограничная черта науки и веры не была такой резкой и неумолимой, никогда еще глаза людей не испытывали такого невыносимого контраста тени и света. Между тем как по сию сторону явлений твердая почва науки залита ярким светом, область, лежащая по ту сторону плотины, по выражению Карлейля, — «глубина священного незнания», ночь, из которой все мы вышли и в которую должны неминуемо вернуться, более непроницаема, чем когда-либо. В прежние времена метафизика набрасывала на нее свой блестящий и туманный покров. Первобытная легенда хоть немного освещала эту бездну своим тусклым, но утешительным светом.

Рубеж веков для Мережковского определяется двумя противоположными чертами — это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа. Поколение переходной эпохи имеет возможность присутствовать при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний, когда последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний. Называя себя пророком культуры, Мережковский все же не уверен в том, что приобщение к новому, светлому, неизвестному может произойти в ближайшем будущем:

Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

В этот период русского писателя особенно волнуют проблемы современной литературы, ибо «умственная борьба», наполняющая XIX век, не могла не отразиться на ее состоянии. Об этом свидетельствует ряд факторов: некорректная сторона отрицания, отсутствие высшей идеальной культуры, цивилизованное варварство среди грандиозных изобретений техники, соответствие художественного материализма научному и нравственному материализму. При этом преобладающим «вкусом» толпы остается реалистический.

Культурно-исторический период в Европе, предшествовавший развитию символизма в России, был сосредоточен на описании жизни и роли человека в обществе. Литература, особенно в России, принималась только при условии позитивного влияния на человека, в противоположном случае в формальном отношении придерживалась рамок рационалистической доказательности и реалистического или сатирического описания. Образно описывает этот период английская исследовательница Аврил Пайман: «На чтение лирической поэзии смотрели как на занятие, простительное кисейным барышням и влюбленным юнцам. Поэтому вряд ли можно удивляться тому, что литературные критики в России, как и повсюду в Европе, противились настроениям *fin de siècle* как таковым и заодно всем формам искусства, долженствующим не только выразить, но и преодолеть подобные настроения» [5; 12]. Культура переходной эпохи демонстрировала необходимость обновления мировоззренческой палитры рубежа веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минский Н. На общественные темы. Изд. 2-е. СПб., 1909. С. 206.
2. Поварцов С. Возвращение Мережковского / Акрополь. М.: Книжная палата, 1991. С. 336.
3. Ермолаев М. Загадка Мережковского // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Ф. Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 564.
4. Мережковский Д. С. Акрополь. М.: Книжная палата, 1991. С. 173.
5. Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 1998. С. 12.

*Елена Анатольевна ДМИТРИЕВА —
соискатель кафедры философии*

УДК 004

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье дан краткий анализ основных образовательных ценностей, берущих начало еще в Древней Греции; определены образовательные ориентации, которые должны базироваться на принципах гуманизма.

The author analyses basic educational values that originated in Greek antiquity, defines educational targets that should rest upon humane attitude to people.

Проблемы кризиса современного образования, состояния средней и высшей школы и путей ее реформирования выдвинулись в последние годы в центр активных общественных и научных дискуссий [1]. Лейтмотивом этих дискуссий является серьезная озабоченность ученых и педагогической общественности, вызванная деинтеллектуализацией общества, снижением качества образования, значительным падением уровня общекультурной подготовки учащихся, беспрецедентным распространением среди молодежи идеологии индивидуального успеха и материального потребления.

Специфика современной социокультурной ситуации характеризуется тенденцией, связывающей предназначение человека в мире с образованием. Образование рассматривается как один из системообразующих факторов современной цивилизации. Судьба каждого человека и человечества в целом во многом зависит от отношения в обществе к образованию и, прежде всего, от ценностной ориентации самого образования.

В современном мире существуют две ценностные ориентации образования, одна из которых базируется на парадигме инструментально-технологической рациональности, где человек — средство достижения рациональных целей; вторая — на парадигме гуманизма, в рамках которой личность и ее интересы рассматриваются как высшая ценность. Эти ориентации берут начало еще в Древней Греции, развивая и интерпретируя как образовательные идеи софистов, направленные на необходимость воспитания «способного» и «сильного» человека, ищущего выгоду во всем, с чем ему приходится иметь дело, так и образовательные идеи Сократа, Платона и Аристотеля, основой которых является идеал калокагатии, самопознания и самосовершенствования личности.

С нашей точки зрения, в современных условиях образование должно базироваться на принципах гуманизма, который следует рассматривать как ценностную основу образования, и мера гуманизации образования должна расцениваться как критерий для оценки результатов педагогического процесса. Вместе с тем необ-